

УДК 340.130.2
ББК Х022.11

DOI: 10.53315/2949-1193-2025-4-2-13-25

*Мильков А.В.,
профессор кафедры правовых дисциплин
филиала федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
в г. Пятигорске Ставропольского края,
доктор юридических наук, профессор,
г. Пятигорск, Россия*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СТРУКТУРЕ ПРАВОВЫХ НОРМ: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Аннотация. В статье исследуются общетеоретические и цивилистические взгляды на дискуссионную проблему структуры правовой нормы. Освещается теоретическое значение данной проблемы, являющейся исходной для решения вопросов о понимании правовой нормы и ее функциональной характеристике. Рассматриваются концепции двухэлементной и трехэлементной структуры правовой нормы. Утверждается, что концепция трехэлементной структуры правовой нормы является ошибочной, поскольку не соответствует реальности, не находит теоретического обоснования и формирует неадекватные представления о функциональной характеристике правовых норм и их системообразующих связях в системе права. Отстаивается вывод о том, что правовая норма всегда двухэлементна и может существовать либо в виде регулятивной нормы, включающей в свою структуру гипотезу и диспозицию, либо в виде охранительной нормы, включающей в свою структуру гипотезу и санкцию.

Ключевые слова: структура правовой нормы; гипотеза; диспозиция; санкция; регулятивные нормы; охранительные нормы.

UDC 340.130.2
БКК Х022.11

DOI: 10.53315/2949-1193-2025-4-2-13-25

*Milkov A.V.,
Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Plekhanov Russian University of Economics"
in Pyatigorsk, Stavropol Territory,
Doctor of Law, Professor,
Pyatigorsk, Russia*

CONCEPTS OF THE STRUCTURE OF LEGAL NORMS: CIVILISTIC NOTES

Annotation. The article studies general theoretical and civilistic views on the debatable problem of the structure of a legal norm. The theoretical significance of this problem, which is the initial one for solving the questions about understanding of legal norm and its functional characteristic, is highlighted. The concepts of two-element and three-element structure of legal norm are considered. It is argued that the concept of three-element structure of legal norm is erroneous, because it does not correspond to reality, does not find theoretical justification and forms inadequate ideas about the functional characteristics of legal norms and their system-forming links in the system of law. The conclusion that the legal norm is always two-element and can exist either in the form of regulative norm, including in its structure hypothesis and disposition, or in the form of protective norm, including in its structure hypothesis and sanction is defended.

Key words: structure of legal norm; hypothesis; disposition; sanction; regulatory norms; protective norms.

Проблема структуры правовой нормы имеет большую теоретическую значимость, обусловленную ее фундаментальным местом в числе исходных правовых положений, непосредственно влияющих на решение многих иных вопросов правопонимания (Кудрявцев, 1981: 54). «Как здоровый корень обуславливает здоровье всего дерева, – справедливо указывает Е.Я. Мотовиловкер, – так и верный взгляд на структуру юридической нормы в немалой степени определяет истинность основных правовых концепций» (Мотовиловкер, 1990: 5). В гражданском правоведении взгляды на структуру правовой нормы определяют решение вопросов о сущности гражданско-правовой нормы, о трактовке структуры и функционирования системы гражданского права, о классификации норм и правоотношений на регулятивные и охранительные и т.д.

Несмотря на то, что доктрина признает фундаментальность рассматриваемой проблемы, удовлетворительное ее решение отсутствует, и правоведы не могут прийти к единому мнению о том, сколько же элементов правовая норма содержит в своей структуре. Полемика ведется главным образом между сторонниками двухэлементной структуры, с одной стороны, и трехэлементной структуры – с другой стороны¹. Причем, и первые, и вторые исходят из положения о том, что правовые нормы представляют собой условные правила, т.е. правила, действующие при наступлении определенных условий². Но при этом первые полагают, что для признания правила правовой нормой достаточно двух элементов (гипотезы, в которой изложено условие, и диспозиции либо санкции, в которых изложено само правило), а, по мнению вторых, – правовой нормой можно признать только такое правило, которое непременно включает в себя три элемента (гипотезу, в которой изложено условие, диспозицию, в которой изложено само правило, и санкцию, в которой указаны последствия неисполнения диспозиции). Соответственно такому подходу сторонники двухэлементной структуры утверждают, «что отдельные нормы имеют несовпадающие части, что нет единой универсальной модели структуры, свойственной всем правовым нормам» (Пиголкина, 1960: 156), а сторонники трехэлементной структуры – что все нормы «имеют единообразную структуру» (Явич, 1976: 124).

Представления о двухэлементной структуре правовой нормы (гипотеза и диспозиция либо санкция) влекут за собой ряд значимых теоретических выводов, в частности, вывод о функциональной неоднородности правовых норм (Черданцев, 1970: 44), (Крашенинников, 2011: 11). В свою очередь этот вывод позволяет рассматривать гражданско-правовую норму как носителя либо регулятивной, либо охранительной функции гражданского права (Илларионова, 2005: 126) и, соответственно, классифицировать нормы по функциям и структурному строению на регулятивные нормы и охранительные нормы (Ушаков, 1970: 24). Такой подход дает основания для признания правоты вывода о том, что «норма права вообще» является нерабочей абстракцией (Мотовиловкер, 1990: 30) а, следовательно, единой правовой нормы не существует, поскольку она всегда является либо регулятивной, либо охранительной (Асланян, Виниченко, 2015: 8).

---

¹Иные мнения по поводу структуры правовой нормы сводятся к тезису, согласно которому такая структура является непостоянной, так как в зависимости от тех или иных обстоятельств может иметь различное число элементов (от одного до пяти). Так, В. Д. Перевалов полагает, что «структура юридической нормы есть объективированный результат отражения в норме определенного общественного отношения», а потому правовая норма имеет столько элементов, сколько требуют «тип, род, вид, сторона общественного отношения» (Корельский, Перевалов, 1997: 281). По мнению А. В. Полякова, «количество элементов правовой нормы зависит от ее конкретного функционального и ценностного значения в механизме действия права» (Поляков, 2001: 479). Эти мнения в настоящей статье не рассматриваются.

²Это положение выражено в литературе категоричным образом: «Безусловных норм, рассчитанных на свое осуществление во всех условиях и при любых обстоятельствах, нет и быть не может» (Пиголкин, 1960: 171).

Представления о трехэлементной структуре правовой нормы (гипотеза, диспозиция и санкция) влекут за собой ряд противоположных выводов, в частности, вывод о функциональной однородности правовых норм. В свою очередь этот вывод позволяет рассматривать гражданско-правовую норму как носителя регулятивной и охранительной функций одновременно¹ и приводит как к отрицанию необходимости разграничения функций гражданского права на регулятивную и охранительную², так и к отрицанию классификации норм на регулятивные и охранительные³. Такой подход позволяет считать приемлемым понятие «норма права вообще» и говорить о единой правовой норме.

В настоящей статье будут рассмотрены указанные варианты представлений о логической структуре правовой нормы, приведены аргументы в пользу ее двухэлементной структуры и критические замечания в адрес трехэлементной структуры.

Концепция двухэлементной структуры правовой нормы является первой в историческом плане. В дореволюционной правовой науке правовая норма обычно трактовалась как правило поведения повелительного характера, т.е. веление. При этом подчеркивалось, что «юридические нормы суть не только *веления*, но вместе с тем суть всегда *условные веления*» (Коркунов, 2003: 161). Как разъяснял В.Ф. Залеский, «право регулирует человеческие отношения и потому безусловных предписаний не устанавливает – всякое правоположение имеет в виду ряд известных случаев, на которые его действие и распространяется» (Залеский, 1902: 103). Аналогично такому подходу В. Ф. Тарановский утверждал, что «безусловных юридических норм нет» (Тарановский, 2001: 143). Но если правовая норма есть условное правило, то она должна содержать в себе две части – указание не только на правило, но и на условия его применения. Так, Н.А. Зверев указывал, что каждая норма права «должна непременно заключать в себе две части: описательную и предписательную. В первой содержится определение того вида отношений, которые подлежат регламентации, во второй – определение того вида действий, которому обязаны следовать лица, связанные данными отношениями» (Зверев, 1899: 101). Правоведы называли эти элементы гипотезой или предположением и диспозицией или распоряжением (Коркунов, 2003: 162; Залеский, 1902: 103; Тарановский, 2001: 142; Grimm, 1895: 121) и считали, что основной формулой для выражения каждой юридической нормы является фор-

¹«...Необходимо признать (исходя из трехчленной логической структуры нормы права), – писал С. Н. Братусь, – что любая норма права является одновременно и регулятивной, и охранительной» (Братусь, 1976: 105).

²Так, В. А. Тархов указывал: «Вряд ли можно согласиться с предлагаемым в литературе делением функций на регулятивную и охранительную, потому что правовая охрана в значительной мере заключается именно в надлежащем правовом регулировании, а регулятивная функция не может быть осуществлена без охраны» (Тархов, 1998: 72). Ю. Г. Ткаченко утверждала, что любой вид воздействия на общественные отношения (правовой, экономический, политический и т.д.) включает в себя и охранительную и регулятивную функцию: «Ведь очевидно, что статическая функция, закрепляющая какие-либо отношения, не может быть осуществлена без охраны, как и динамическая. Охрана является способом, обеспечивающим закрепление и развитие отношений» (Ткаченко, 1980: 43). Интересно отметить, что этот взгляд, господствовавший в литературе советского периода, несмотря на его явное противоречие общепризнанным функциональным представлениям о системе права, не утрачивает своих позиций и в современной литературе. Так, А. В. Краснов обосновывает идею о том, что регуляцию и охрану нельзя противопоставлять друг другу, поскольку «невозможна регуляция без охраны и охрана без регуляции» (Губаева, Краснов, 2014: 66). С. А. Силицын отстаивает в докторской диссертации положение, согласно которому «охранительная функция права неотделима по своей сути от регулятивной» (Силицын, 2017: 28).

³Как полагал С. Н. Братусь, разделение норм права на регулятивные и охранительные «по существу ведет к отрицанию нормативности и связанной с ней принудительности так называемых регулятивных правовых норм и институтов. Устраняется (отсекается) существенный элемент правовой нормы... – санкция, без которой правовая норма лишается принудительной силы и, следовательно, перестает быть юридической нормой» (Братусь, 1976: 106).

мула «если – то» (если имеются определенные условия, то действует определенное правило). «Мы называем ее основной потому, – пояснял Н. М. Коркунов, – что к ней могут быть сведены все без исключения юридические нормы» (Коркунов, 2003: 162). Можно сослаться также на мнение Р. Иеринга, констатировавшего, что эта формула есть «самая простая, самая точная и лежит в основе каждого правового положения» (Иеринг, 1875: 44). Таким образом, в дореволюционной правовой науке положение о двухэлементной структуре правовой нормы, состоящей из гипотезы и диспозиции, было широко признанным. Разумеется, дореволюционные правоведы не отрицали положения о том, что в объективном праве содержатся меры, обеспечивающие исполнение нормативных предписаний, т.е. санкции¹, но полагали, что это обстоятельство не влечет за собой отказа от двухэлементной структуры правовой нормы, поскольку санкции представлены в особых, также двухэлементных нормах (Коркунов, 2003: 171-174; Залеский, 1902: 103-106).

В послереволюционный период правовая наука отказалась от наследия буржуазного права и приступила к созданию новой правовой доктрины, в основе которой «лежал ленинский вариант классовой теории» (Скоробогатов, 2021: 22), опиравшийся в понимании права на установку «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» (Ленин, 1969: 99). Руководствуясь этой установкой, правоведы приходили к выводу о совпадении признаков правовой нормы с признаками объективного права и признавали, что правовая норма, будучи частью объективного права, обладает всеми свойствами, присущими объективному праву как целому (Шебанов, 1964: 98; Недбайло, 1965: 120), т.е., по сути, видели в правовой норме право в миниатюре². Признак принудительности включался в дефиницию правовой нормы³ и утверждалось, что правовые нормы «издаются для того, чтобы принудить всех и каждого к определенным действиям» (Недбайло, 1959: 36). Эти положения обосновывали вывод о том, что всякая правовая норма должна включать в свой состав элемент, отражающий «способность государства принудить к выполнению нормы» (Недбайло, 1960: 63). В итоге в советском правоведении сложилось понимание правовой нормы как установленного или санкционированного государством правила поведения, состоящего из трех элементов:

- 1) указания на условие, при котором правило подлежит применению (гипотеза правовой нормы);
- 2) изложения самого правила поведения (диспозиция правовой нормы);
- 3) указания на последствия неисполнения этого правила (санкция правовой нормы) (Голунский, 1940: 251).

¹По определению И. В. Михайловского, «санкцией называются те средства, при помощи которых высший внешний авторитет данного общегития гарантирует ненарушимость юридических норм. Правопорядок представляет собою сложную систему норм, находящихся в различных отношениях друг к другу. Есть нормы основные, из этих норм выводятся, как их развитие, нормы дополнительные; на случай нарушения этих первичных норм существуют нормы вторичные, определяющие последствия нарушения; в свою очередь на случай нарушения вторичных норм имеются нормы третьего порядка и т.д. Таким образом, одни нормы представляют собою санкцию других» (Михайловский, 1914: 261).

²Возражая против такого подхода, А. Ф. Черданцев справедливо указывал, что «отождествление свойств части и целого вряд ли правильно, ибо даже простое количественное объединение дает новое качество (переход количества в качество). Что же касается системы права, то она относится к системам функциональным, складывается с самого начала из разнородных норм. Различие этих норм обусловлено их как предметной (отраслевой), так и функциональной специализацией. Объединение норм в единое целое (систему права) придает новые качества как целому, так и его частям. Следовательно, анализируя отдельную норму права, нельзя видеть в ней право в миниатюре, упускать из виду, что это лишь часть целого» (Черданцев, 1970: 42).

³Правовая норма определялась как «правило поведения, которое государство как организация классового господства признает необходимым для охраны интересов господствующего класса и соблюдение которого оно обеспечивает всей мощью своей принудительной власти» (Голунский, 1940: 246).

Это понимание было принято большинством правоведов, полагавших, что «только при наличии всех трех элементов мысль законодателя... является правовой нормой. В противном случае это будет или часть нормы, или положение неправового характера» (Недбайло, 1960: 67)¹. Согласно такому подходу признавалось, что без санкции правовая норма существовать не может (Ткаченко, 1955: 19), отсутствие санкции является свидетельством ущербности нормы и приводит к «сбоям» в правовом регулировании (Байтина и др., 1987: 102), а санкция характеризовалась как атрибут правовой нормы, т.е. неотъемлемое ее свойство (Мицкевич, 2010: 39; Лейст, 1962: 12) и трактовалась как «часть нормы, устанавливающая принудительные меры, обеспечивающие соблюдение правовой нормы» (Голунский, 1940: 252). Таким образом, в советский период возобладал трехэлементный подход к пониманию структуры правовой нормы, основанный на постулате о принудительном характере, присущем как праву в целом, так и каждой правовой норме, вследствие чего последняя может существовать только в трехэлементном составе и непременно должна содержать в себе такой элемент, как санкция. Признание возможности существования правовых норм без санкций приравнивалось к признанию возможности существования правовых норм, не обеспеченных принудительной силой государства, что в силу марксистско-ленинской правовой доктрины признавалось недопустимым. Как утверждал А. В. Мицкевич, отсутствие санкций дает основание говорить о чем-то «вроде “непринудительного права”». Такого права не может быть согласно марксистскому учению о соотношении государства и права» (Мицкевич, 2010: 21).

Однако трехэлементный подход к пониманию структуры правовой нормы, хотя и был широко признанным, не был единственным, поскольку отдельные правоведы советского периода отстаивали двухэлементную структуру правовой нормы. Так, С. В. Курылев, исследуя данный вопрос в 1958 г., наглядно продемонстрировал, что сложившаяся в советский период трехэлементная трактовка правовой нормы («гипотеза, диспозиция и санкция») не является верной. Для регулирования поведения людей (для чего и предназначена правовая норма) необходимыми и достаточными являются два элемента – гипотеза и диспозиция (санкция). «...Любая юридическая норма, – писал С.В. Курылев, – состоит из двух частей – условий (поведение людей, события), с которыми норма связывает определенные юридические последствия, и самих юридических последствий. Таковы две обязательные составные части юридической нормы. Без любой из них юридическая норма перестает существовать в присущем ей качестве» (Курылев, 2012: 534-535). Первая часть юридической нормы во всех случаях носит название «гипотеза»; вторая же часть имеет два названия – «диспозиция» и «санкция». По этому поводу С.В. Курылев указывал: «... диспозиция и санкция не разнородные, а однородные явления. Основу гипотезы нормы составляет указание на юридические факты, на явления объективной действительности... Диспозиция и санкция – это указания на явления иного порядка... Это... юридические, т.е. установленные правом последствия» (Курылев, 2012: 541). При этом правовед обращал внимание на функциональное различие правовых последствий, на которые указывают диспозиция, с одной стороны, и санкция, – с другой стороны: те последствия, которые предусмотрены

---

¹Рассматривая данные представления, А. Ф. Черданцев указывал, что дореволюционные правоведы, как правило, исходили из двухэлементного строения правовой нормы, в связи с чем признавали наличие норм, не обеспеченных санкциями, однако «последнее обстоятельство, противоречащее марксистско-ленинскому пониманию права как системы норм, обеспеченных государственным принуждением, предопределило критический подход к указанной точке зрения. Состояние же советской юридической науки, в том числе степень разработанности вопроса о системе права, было таково, что представлялось единственно верным создать такую логическую структуру правовой нормы, которая обязательно включала бы в свой состав в качестве третьего элемента санкцию. Это было наиболее простым, хотя и несколько поверхностным обобщением в учении об отдельно взятой норме государственно-принудительного характера права в целом» (Черданцев, 1970: 41).

диспозицией, носят «правоустановительный» (т.е. регулятивный) характер; те последствия, которые предусмотрены санкцией, носят «правоохранительный» (т.е. охранительный) характер (Курылев, 2012: 541).

Н.П. Томашевский в 1960 г. опубликовал большую статью, посвященную структуре правовых норм, в которой признал господствующее учение о трехэлементной структуре правовой нормы ошибочным в силу противоречия действительному положению вещей, поскольку «вопреки традиционному учению не существует таких норм права, которые состоят из трех элементов» (Томашевский, 1960: 203). Полагаем, что данный аргумент Н.П. Томашевского, является одним из наиболее значимых в критике концепции трехэлементной структуры правовой нормы: если концепция противоречит реальности, то это ложная концепция. На многочисленных примерах из различных отраслей права Н.П. Томашевский доказал тезис, согласно которому «в действительности состав правовой нормы независимо от формы ее выражения исчерпывается двумя элементами» (Томашевский, 1960: 203), т.е. гипотезой и диспозицией либо санкцией. Анализируя представления, согласно которым принудительные санкции присущи каждой правовой норме, Н.П. Томашевский писал, что такие представления неизбежно создают впечатление, что правовые нормы «не могут существовать без тех или иных мер государственного принуждения... Однако подобное впечатление было бы весьма ошибочным, так как принудительные санкции присущи лишь некоторым нормам права» (Томашевский, 1960: 203).

Взгляды С.В. Курылева и Н.П. Томашевского подвергались критике¹, и в литературе превалировала обусловленная идеологическими установками концепция трехэлементной структуры правовой нормы.

В начале 90-х гг. прошлого века российская правовая наука отказалась от идеологических установок в понимании права и правовых явлений, но, несмотря на это, концепция трехэлементной структуры правовой нормы сохранилась² и, как указывается в литературе, «“забывается” в сознание юристов еще на стадии учебного процесса» (Протасов, 2011: 9).

¹ В частности, Ю. С. Жицинский, полагавший, что позиция Н. П. Томашевского есть возврат к дореволюционным представлениям о структуре правовой нормы, указывал: «Мы считаем, что с возрождением этих взглядов в науке советского гражданского права согласиться нельзя. Прежде всего, в этом случае искусственно разрывается связь между нарушенным гражданским правоотношением и санкцией нормы права как способом его охраны» (Жицинский, 1968: 50). В формулировке Ю. С. Жицинского методологическую основу ошибочности утверждения о двухэлементной структуре правовой нормы составляет «отрыв анализа структуры нормы права от тех реальных общественных отношений, идеологическим отражением которых является данная норма» (Жицинский, 1968: 49). Критикуя позицию С. В. Курылева, Ю. С. Жицинский также говорил о недопустимости отрыва санкции от диспозиции трехэлементной нормы и помещению ее (санкции) в иную, правоохранительную норму. При этом особый интерес в аргументации автора вызывает следующее суждение: «...Отрывать эти элементы (диспозицию и санкцию. – А. М.) один от другого нельзя. Утверждать обратное означает признание того, что всякое общественное отношение элементарно регулируется двумя нормами права, из которых одна устанавливает правило поведения, обеспечивающее нормальный процесс развития данного отношения, а вторая является запасной нормой, предусматривающей возможность нарушения такого развития» (Жицинский, 1968: 54). Интерес же это суждение вызывает потому, что Ю. С. Жицинский правильно описывает процесс воздействия норм права на общественные отношения, хотя и не признает этой правильности, в отличие от Е. А. Крашенинникова, который, отмечая, что правовые нормы, регулируя общественные отношения, устанавливают модели поведения сторон такого отношения и определяют условия, при которых стороны должны руководствоваться данными моделями, констатирует, что «нормы гражданского права неоднородны, Одни из них моделируют поведение людей в обычных, другие – в конфликтных ситуациях» (Крашенинников, 2011: 11). Поскольку общественное отношение, действительно, имеет два возможных пути развития – нормальное и конфликтное, – для адекватного правового воздействия на него и необходимы две нормы – регулятивная и охранительная.

² По поводу «живучести» данной концепции уместно привести следующее высказывание Н. П. Томашевского: «Тот факт, что учение о трех элементах каждой правовой нормы, находящееся в явном противоречии с действительностью, так прочно укрепилось в нашей юридической литературе и так долго удерживается в ней, объясняется разными причинами. Одной из таких причин... является наличие некоторых привычных представлений, которые приобрели характер теоретических аксиом» (Томашевский, 1960: 215).

С такой оценкой вполне можно согласиться, поскольку высказывания сторонников трехэлементной структуры правовой нормы действительно весьма категоричны. Так, например, указывается, что правовая норма «не может быть одноэлементной или двухэлементной, она всегда состоит из трех элементов» (Керимов, 1998: 40), а отсутствие любого из элементов нормы «сводит содержащееся в ней правило поведения на нет» (Деревнин, 2001: 29) и свидетельствует об ущербности нормы (Петрова, 2013: 583). Подобные высказывания подводят к мысли, что правоведы, отрицающие трехэлементную структуру, ратуют за «ущербные» нормы и отрицают принудительный характер объективного права. Между тем, сторонники двухэлементной структуры правовых норм принудительного характера объективного права не отрицают и существования «ущербных» правовых норм не допускают. Рассматривая вышеприведенную ленинскую установку, Н.П. Томашевский отмечал, что ее следует относить к праву в целом, но не к каждой норме права (Томашевский, 1960: 221), следовательно, «необходимость принудительных санкций в системе права вовсе не означает, что они необходимы в каждой правовой норме» (Томашевский, 1960: 223). А.Ф. Черданцев обосновывал, что методологически правильный подход к вопросу о структуре правовых норм, основанный на признании их функциональной специализации, дает основания для вывода о том, что «каждой норме права, для того чтобы быть обеспеченной принудительной силой государства, совсем не обязательно иметь в качестве своего структурного элемента санкцию» (Черданцев, 1970: 45). П.Ф. Елисейкин приходил к выводу, что «обеспеченность принудительной силой государства, это неотъемлемое качество юридической нормы может быть выражено не иначе, как путем установления особого правила поведения – охранительной нормы» (Елисейкин, 1977: 29), и, аргументируя данный вывод, указывал, что охранительные нормы имеют строго определенное место в механизме правового регулирования и каждая такая норма предназначена для охраны соответствующей регулятивной нормы (Елисейкин, 1977: 28). Е. Я. Мотовиловкер, полемизируя с С.Н. Братусем, подчеркивал, что регулятивная норма принудительно реализована быть не может, поскольку в ее гипотезе нет указания на факт нарушения права, однако это не означает, что регулятивная норма не обеспечена санкцией. В случае нарушения такой нормы в действие вступает охранительная норма (Мотовиловкер, 1990: 16). Рассматривая формулу «если – то – иначе», В.А. Белов пишет, что «иначе» представляет собой не третий элемент нормы, а новую гипотезу, отрицающую предыдущую, своего рода «антигипотезу», которую можно изложить следующим образом: «если “условия (все или некоторые), описанные в такой-то норме, не имеют места быть”, то “наступают последствия такие-то” – *новая диспозиция*, обыкновенно именуемая *санкцией*» (Белов, 2019: 106-107). «Антигипотеза» и новая диспозиция (санкция) составляют новую (другую) норму, гипотеза которой («антигипотеза») и предусматривает нарушение условий, описанных в гипотезе первой нормы, а санкция (новая диспозиция) – последствия нарушения. Таким образом, следует признать, что правовая норма всегда двухэлементна, а формула «если – то – иначе» отражает структуру нормы, «реально не существующей, созданной путем искусственного соединения двух норм – регулятивной и охранительной» (Черданцев, 1999: 214). Полагаем, что указанных аргументов вполне достаточно для вывода о том, что концепция двухэлементной структуры правовой нормы никак не подрывает положение о принудительном свойстве права, равно как и о том, что его не подрывает и классификация правовых норм на регулятивные и охранительные, имеющая в своей основе идею двухэлементной структуры.

Кроме этого, следует подчеркнуть, что главный аргумент против концепции трехэлементной структуры правовой нормы, выдвинутый Н.П. Томашевским – ее противоречие реальному положению вещей – никем не опровергнут, и подтверждается всеми правоведом, включая сторонников этой концепции. Так, например, Р.З. Лившиц, считаю-

щий схему «если – то – иначе (в противном случае)» классической, пишет: «Но в законодательной практике нормы, построенные по этой классической схеме, почти не встречаются» (Лившиц, 1994: 104), и отмечает, что, например, «положения об ответственности (санкции) чаще всего выводятся за пределы отдельных статей и концентрируются в специальных главах и статьях, посвященных ответственности» (Лившиц, 1994: 104). Анализируя концепцию трехэлементной структуры правовой нормы, А.Ф. Черданцев акцентирует внимание на этом обстоятельстве и критикует подход, согласно которому отдельные структурные части якобы целого (правовой нормы) могут находиться и в разных статьях нормативного акта, и в разных нормативных актах, и даже в различных отраслях права. «...При таком подходе к строению норм они уже не представляют единого целого, превращаются в нечто структурно неопределенное», – утверждает правовед и констатирует, что подобный подход суть «неадекватное отражение системообразующих связей норм системы права, их предметной и функциональной специализации» (Черданцев, 2003: 51). Особо подчеркнем, что отмеченная А.Ф. Черданцевым неадекватность трактовки структуры правовых норм имеет значимые негативные практические последствия, поскольку «вводит истолкователя норм в заблуждение, ориентирует его искать несуществующие составные части толкуемой нормы» (Черданцев, 2003: 52). Таким образом, следует заключить, что в отечественной правовой доктрине представлена критика концепции трехэлементной структуры правовых норм, убедительно демонстрирующая ее теоретическую и практическую несостоятельность.

Однако идея о трехэлементности правовой нормы продолжает жить и получает в новейшей литературе широкое признание. Правоведы продолжают обосновывать трехэлементную структуру правовой нормы и приписывают такой структуре объективный характер, хотя в качестве аргументов в ее защиту привлекают уже не тезис о подрыве двухэлементной нормой установки о принудительности права, а системно-структурные представления или положения деонтической логики (логики норм).

Так, Д.М. Азми, посвятившая статью обоснованию обязательности трехкомпонентного строения правовой нормы, указывает, что «части структурного характера в явлении отсутствовать не могут, так как они имеют константный, закономерный, сущностный, строеобразующий характер», а «во взаимодействии с иными элементами правового бытия норма права “предстает в нерасчлененном виде”» (Азми, 2010: 5). В обоснование этих тезисов автор приводит мнение Д.А. Керимова о том, что «части правовой нормы настолько органически связаны между собой и настолько непосредственно подчинены целому, что их раздельное существование бессмысленно» (Керимов, 1972: 266), и мнение Н.Ф. Овчинникова, указывавшего, что элементы «неделимы по отношению к существенным отношениям системы, элементом которой они являются» (Овчинников, 1969: 117). Между тем Д.А. Керимов допускал самостоятельность частей правовой нормы, которую связывал с их функциональным назначением. Он писал: «Относительная самостоятельность этих частей выражается в том, что каждая из них выполняет специфические, только ей свойственные функции в составе целого – правовой нормы» (Керимов, 1972: 266). Полагаем, что данное суждение является наглядной иллюстрацией неадекватной трактовки правовых связей, на которую, как было отмечено выше, указывал А.Ф. Черданцев, поскольку носителем функции является сама правовая норма как целостность, но не ее части. Как признается в общей теории систем, «функционирование представляет собой постоянное воспроизводство *функционального эффекта*, который сводится к способности системы делать то, что принципиально не может сделать каждый ее отдельный элемент» (Сурмин, 23: 138). Рассмотрение правовой нормы в качестве системы¹ показывает, что никакая отдельно взятая часть правовой нормы к реализации какой бы то ни было функции не способна, как,

¹ В литературе справедливо отмечается, что подходить к проблеме структуры правовой нормы необходимо с позиций теории систем, поскольку правовая норма, несомненно, является системой (Протасов, 211: 5).

впрочем, и умозрительно построенная трехэлементная правовая норма. Если говорить применительно к правовой норме с трехэлементной структурой о реализации регулятивной функции, то обнаруживается излишний и бесполезный элемент (санкция), а если говорить о реализации охранительной функции, то обнаруживается отсутствие необходимого элемента (указания в гипотезе на правонарушение). Обращение же к работе Н.Ф. Овчинникова, на которую ссылается Д.М. Азми, показывает, что рассуждения философа о структурных отношениях системы не дают оснований для признания правоты вывода о том, что правовая норма является неделимой и непременно должна включать в себя три элемента – гипотезу, диспозицию и санкцию. По утверждению Н. Ф. Овчинникова, элементы неделимы только в случае фиксированных структурных отношений объекта, а соотносимость элементов и отношений определяется «спецификой класса объектов, структуру которых мы исследуем» (Овчинников, 1969: 117). Как было показано, трехэлементная конструкция, с одной стороны, презюмирует положение о существовании единой правовой нормы, но, с другой стороны, фиксированных структурных отношений не демонстрирует, поскольку «разносит» части такой конструкции по различным правовым нормам или различным нормативным актам.

Если же признать справедливым вывод о том, что такого объекта, как единая правовая норма, не существует, но существуют два класса объектов (правовых норм) – регулятивные нормы и охранительные нормы, – то следует признать и фиксированные структурные отношения в этих классах объектов, и их неделимость. Действительно, и регулятивные нормы, и охранительные нормы являются неделимыми и могут существовать только в таком структурном качестве. Говоря иначе, ни гипотеза, ни диспозиция регулятивной нормы не могут существовать в отрыве друг от друга, равно как и гипотеза, и санкция охранительной нормы. В то же время ни регулятивная, ни охранительная нормы не имеют потребности в третьем элементе, поскольку, будучи системой, каждая норма нуждается в таком количестве элементов, которое необходимо и достаточно для достижения цели системы¹. Поэтому полагаем, что аргументы, приведенные Д.М. Азми в обоснование обязательности трехэлементной структуры правовой нормы, подтверждения не получают.

Для ответа на вопрос об объективном характере трехэлементной структуры правовой нормы обратимся к рассуждениям О.Э. Лейста, по мнению которого объективность такой структуры вытекает из деонтологии (логики норм), указывающей на связь правила поведения с императивом, охраняющим это правило от нарушений. О.Э. Лейст утверждает, что формула «если – то – иначе» означает применение к каждой из норм права следующего общего правила: «Находясь на территории государства (или: будучи гражданином государства), необходимо соблюдать законы этого государства; в противном случае государство применит к нарушителю правовых норм меры принуждения» (Марченко, 2020: 605). Принципиально против этого правила вряд ли можно что-либо возразить, поскольку оно является общей установкой правосознания, постулатом, которым должны руководствоваться субъекты во взаимоотношениях с другими субъектами. В то же время нельзя не признать, что это правило является внешним по отношению к правовой норме, не входит в ее структуру и применимо не к какой-либо конкретной норме, а к объективному праву в целом, в связи с чем представляется справедливым следующее замечание Н.П. Томашевского: «Если теоретическое положение, правильное только по отношению ко всей системе права..., механически применяется по отношению к любой норме права, то тем

---

¹При определении системы мы исходим из дефиниции В. Н. Сагатовского, согласно которой система представляет собой такое конечное множество элементов, «которое с необходимостью и достаточностью обуславливает наличие целенаправленных свойств, позволяющих решать системопорождающее противоречие в определенных внешних условиях» (Сагатовский, 1981: 66).

самым оно распространяется за пределы его действительной применимости, что и приводит неизбежно к абсурду» (Томашевский, 1960: 222). Кстати, в работе по нормативной логике А.А. Ивина, на которую ссылается О.Э. Лейст, при описании связи между нарушением обязанности и следующим за ним наказанием указывается не на некое общее правило, запрещающее нарушение обязанности, а на конкретную обязывающую норму. «Из самого факта выполнения или невыполнения действия логически не следует ничего, касающегося наказуемости или ненаказуемости этого действия, – пишет А.А. Ивин. – Действие или бездействие сопровождается наказанием только в том случае, когда оно не согласуется с определенной нормой» (Ивин, 1973: 61). Поэтому мы приходим к выводу, что трактовка О.Э. Лейстом связи правовой нормы с императивом, охраняющим эту норму от нарушений, является некорректной и формулу «если – то – иначе» не обосновывает. Как было показано, такая связь обеспечивается по линии взаимодействия регулятивных правовых норм с охранительными.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что представления о трехэлементной структуре правовых норм являются ошибочными. Они не находят теоретического подтверждения, а их практическое значение, говоря словами А.Ф. Черданцева, кроется в них самих (Черданцев, 1970: 43). Правовая норма всегда двухэлементна и может существовать либо в виде регулятивной нормы, включающей в свою структуру гипотезу и диспозицию, либо в виде охранительной нормы, включающей в свою структуру гипотезу и санкцию.

Литература

Азми Д.М. Нормы права: структура, форма, разновидности // Академический юридический журнал. 2010. № 3 (41). С. 4-11.

Асланян Н.П. О состоянии теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 4-й ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 20 марта 2015 г.) / Под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 7-16.

Белов В.А. Гражданско-правовые нормы как предмет научного изучения и практического применения // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. В.А. Белова. Москва: Юрайт, 2019. С. 98-127.

Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: (Очерк теории). Москва: Юрид. лит., 1976. 215 с.

Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права: Учебник. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 304 с.

Гримм Д.Д. Энциклопедия права с приложением краткого очерка истории философии права: лекции. СПб.: Типолиитография инженера Гершуна, 1895. 239 с.

Деревнин А.А. К вопросу о норме права // Академический юридический журнал. 2001. № 2. С. 26-30.

Елисейкин П.Ф. Правоохранительные нормы (понятие, виды, структура) // Защита субъективных прав и советское гражданское судопроизводство: Межвуз. темат. сборник / Под ред. П.Ф. Елисейкина. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1977. С. 25-37.

Жицинский Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1968. 123 с.

Залеский В.Ф. Лекции энциклопедии права. Казань: Типолиитография Имп. ун-та, 1902. 312 с.

Зверев Н.А. Энциклопедия права: Лекции. Москва: Типолиитография В. Р. Келлера, 1899. 413 с.

- Ивин А.А. Логика норм. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 122 с.
- Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1875. 309 с.
- Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер // Илларионова Т.И. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 117-249.
- Керимов Д.А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. Москва: НОРМА – ИНФРА-М, 1998. 127 с.
- Керимов Д.А. Философские проблемы права. Москва: Мысль, 1972. 472 с.
- Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.
- Крашенинников Е.А. Гражданско-правовые нормы // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 2. С. 6-13.
- Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. Москва: Юрид. лит., 1981. 144 с.
- Курылев С.В. О структуре юридической нормы. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. С. 528-544.
- Лейст О.Э. Санкции в советском праве. Москва: Госюриздат, 1962. 238 с.
- Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. Москва: Изд-во политической литературы, 1969. С. 1-120.
- Лившиц Р.З. Теория права: Учебник. М.: БЕК, 1994. 224 с.
- Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. I. Томск: Издание книжного магазина В.М. Посохина, 1914. 632 с.
- Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР // Мицкевич А.В. Избранное. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. С. 12-140.
- Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 136 с.
- Недбайло П.Е. Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общежития // Право и коммунизм: Сборник статей / Под ред. Д.А. Керимова. Москва: Юрид. лит., 1965. С. 118-139.
- Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. Москва: Юрид. лит., 1960. 512 с.
- Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1959. 169 с.
- Нормы права: теоретико-правовое исследование: Монография / Отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов. Москва: РАП, 2014. 164 с.
- Нормы советского права: Проблемы теории / Под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 248 с.
- Общая теория права: Учебник / Под общ. ред. А. С. Пиголкина. Москва: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1997. 384 с.
- Овчинников Н.Ф. Структура и симметрия // Системные исследования. Ежегодник 1969. Москва: Наука, 1969. С. 111-121.
- Петрова Е.А. Норма права как юридическая конструкция: отечественный и зарубежный опыт // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 583-590.
- Пиголкин А.С. Нормы советского социалистического права и их структура // Вопросы общей теории советского права: Сборник статей / Под ред. С.Н. Братуся. Москва: Госюриздат, 1960. С. 148-193.

Поляков А.В. Общая теория права: Курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 642 с.

Протасов В.Н. Строение нормы права в свете теории охранительных правоотношений // Сборник науч. статей в честь 60-летия Е.А. Крашенинникова / Отв. ред. П.А. Варул. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2011. С. 5-16.

Сагатовский В.Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. Москва: Наука, 1981. С. 52-68.

Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2017. 604 с.

Скоробогатов А.В. Генезис советской правовой доктрины // Российское право онлайн. 2021. № 3. С. 21-26.

Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: Учеб. пособие. Киев: МАУП, 2003. 368 с.

Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2001. 560 с.

Тархов В.А. Гражданское право. Курс. Общая часть. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 1998. 330 с.

Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. Москва: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 570 с.

Теория государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. Москва: Изд-во «Зерцало-М», 2020. 720 с.

Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. Москва: Юрид. лит., 1980. 176 с.

Ткаченко Ю.Г. Нормы советского социалистического права и их применение. Москва: Госюриздат, 1955. 66 с.

Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права: Сборник статей. – Москва: Госюриздат, 1960. С. 194–254.

Ушаков А.А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1970. 42 с.

Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 41-49.

Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник. Москва: Юрайт, 1999. 432 с.

Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 381 с.

Шебанов А.Ф. Некоторые вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском общенародном праве // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 96-106.

Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 285 с.